

ТАМ, ГДЕ МАМА, ТАМ И РОДИНА

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ АРТЕМЕНКО

Родился 29 октября 1951 г. в Костромской области. Мама по образованию агроном, отец шофер. В детстве и ранней юности жил во Львовской, Тернопольской и Харьковской областях. Закончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Прослужил в Советской армии около 28 лет. Уволен в запас в звании подполковника. В настоящее время проживаю в городе Сергиев Посад Московской области. Две доченьки, Яна и Маргарита, внучка Сонечка. После окончания службы по сей день продолжаю работать на различных хозяйственных должностях.

Артеменко (Лобанова) Мария Семеновна
(4 сентября 1926 г. — 30 января 2012 г.)

Родилась в деревне Малый Дор Буйского района Костромской области. Происхождением из середняцкой семьи. Ее мама, Настасья Егоровна, с грустью вспоминала о дореволюционном времени: «Вот, раньше было...». Отец, Семен Иванович, участник Первой мировой войны, работал счетоводом, бригадиром, заведующим фермой. Сестры Зинаида, Фаина, Валентина, Галина. Братья Леонид и Юрий. Сводный брат Александр. Все умерли.

Стихи, разговоры, песни и частушки из уст родных, мамы, сестер, друзей, близкого окружения тех лет.

Бабушка Настя
Вечер был. Мерцали звезды.
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Он озяб и весь дрожал.
«Боже, — говорит малютка, —
Я озяб и есть хочу.
Кто накормит, кто согреет
Меня, бедну сироту».
Шла дорожкой той старушка,
Услыхала сироту.
Пожалела и пригрела,
И поесть ему дала.
Положила спать в постельку.
«Как тепло» — промолвил он.
Закрыв глазки, улыбнулся
И заснул покойным сном.
Бог и птичку в поле кормит

И кропит росой цветок.
Бесприютную малютку
Не оставит также Бог. (1)¹

Жалость и сочувствие у мамы в крови. Всю жизнь всем помогала. Бесконечно слала посылки, ютила близких на своей квартире. Жили поочередно братья Леонид и Юрий, неоднократно поселялся брат отца Николай. Разыскала Лену, дочь отца от предыдущего брака, и стала ей второй мамой. Приняла сводного брата Лены Сергея Каштанова, инвалида, приехавшего на Украину с Благовещенска, хотела прописать у себя в казенной двухкомнатной квартире. Но тот, к счастью, женился на вдовушке. Отец молча поглядывал, но ни во

¹ Комментарии к текстам А. Л. Налепина на стр. 154–157.

что не вмешивался. Мама слыла общепризнанной швеей. Обшивала весь поселок, что в Козове на Западе, что в Савинцах на Востоке Украины. Плату брала небольшую, но сделанным законно гордилась. Вспоминаю вечный стук швейной машинки среди ночи и натруженную согнутую мамину спину...

Отец по этому и другим поводам подшучивал:

Эй, Семеновна, юбка в клеточку,
Выполняй, Семеновна, пятилеточку,
Пятилеточку в четыре годика,
Выполняй, Семеновна, пока молоденька! (2)

Елку вырублю в лесу.
Елку в садик принесу.
Если встречу я в лесу
Настоящую лису:
Ты, лиса, иди дорогой,
Ты, лиса, меня не трогай,
Не задерживай, прошу,
Я на Новый год спешу. (3)

Мама венички ломала.
Я земляночку брала.
Канарейка песню пела.
Я ее переняла.

В слове «мама», произнесенном моей матушкой, звучало какое-то скорбно-возвышенное чувство, настоящая, нутряная, но не афишируемая любовь. Тяжело переносила разлуку, когда училась в начальной школе, расположенной в далеком селении. Однажды с подружкой сбросила обувь и потопала босыми ножками по скрипучему снегу, чтобы заболеть и вернуться домой. Обошлось. «Так тосковала по маме...»

Буй — крупный железнодорожный узел.
Много военных в предвоенное и военное время.

Ты — военный, твое слово — олово.
Твои желтые погоны
Завлекают здорово.

Полюбила лейтенанта,
А потом политрука,
А потом все выше, выше,
Довела до пастуха.

Офицеры, офицеры модные,
Хлеб по бабам растащили,
А бойцы голодные.

Не любите офицеров,
Не считайте звездочки.
Полюбите старшину —
Принесет селедочки.

При царе, при Николае,
Была белая мука.
А при Сталине, при Ленине
Мякина дорога.

Из учебника по памяти:

Климу Ворошилову
Письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар,
В Красную Армию
В нынешний год,
В Красную Армию
Брат мой идет.
На работе первым
Был он кузнецом.
Будет он примерным
В армии бойцом.
Товарищ Ворошилов,
А если на войне
Погибнет брат мой милый,
Пиши скорее мне.
Товарищ Ворошилов!
Я быстро подросту
И встану вместо брата
С винтовкой на посту!» (4)

Из учебника по памяти:

Железным ломом горы зла
Тобой разрушены дотла.
Заря над Родиной взошла,
Вселенной зодчий — Сталин!
Ты данный Лениным завет
Хранишь, держа в руках, как свет.
Спасаешь мир от черных бед.
Всегда победный — Сталин!
И днем и ночью у руля
Тебе послушна вся земля.
Прав Сулейман, что говоря:
Создатель счастья — Сталин! (5)

Тетя Зина, старшая мамина сестра, испытала чувство необыкновенной гордости, когда ее, примерную ученицу, вместе с другими отличившимися ребятами, привели в местный радиоузел послушать живые слова товарища Сталина. «Мама, мама, мы слушали речь Сталина! Не какого ни будь простого мужика, а самого Сталина!!» И строго выпрямленным пальчиком указала на небо.

На качеле я качалась.
Под качелею вода.
Бело платье обмочила.
Мне от маменьки беда.

Милый, я пьяна сегодня.
Проводи меня домой.
Стели мягкую постельку
И ложися спать со мной.

Скоро пост, скоро пост,
Великое говеньице.
Кому достанется любить
Мое ненагляденьице.

Дед Семен

Награжден двумя «Георгиями», был ранен. Тетя Валя вспоминала: «Где левая лопатка, яма с кулак...» Бабушка укоряла деда, что в числе первых в колхоз записался. «Чего ты спешил, чего записался? Яков не записался». — «Какая разница? Я сегодня, Яков завтра». Как-то выступил на колхозном собрании и неудачно высказался: «...в противном случае...» Председатель собрания сразу прижал: «Вам что, советская власть противна?..» Мама вспоминала, как после пожара, когда скребли деньги на новый дом, дед ночью с тоской во взоре, за столом возле лампы рассматривал свои боевые награды. В последний раз. Утром сдал их в Торгсин.

Раньше был извозчик.
Звать его Володя.
А теперь на фронте
«Ваше благородье».
Раньше была прачка.
Звать ее Лукерья.
А теперь на фронте
«Сестра милосердия».

Зачем милка завлекала,
Коли я тебе не я.
Ты бы с осени сказала,
Подколодная змея.

Задушевные подруженьки
Умно мы сделали.
Не одни пошли плясать,
С баскими кавалерами.

Кавалеры да барышни,
Пошли вместе плясать.
Кавалеры напевайте,
А мы будем отпевать.

Советская власть —
Мужа не боюсь!
Если будет колотить,
Возьму и разведуся!

Безногий инвалид во время войны на базаре:

Гадаю на вас.
Гадаю заочно.
Говорю правильно и точно.
Гадаю о краже, о пропаже.
О любви, о измене,
О жизненной перемене.

Бабушка Степанида: Жених приехал за невестой, под венец. Невеста прикрыта платком, наверх крестик одетый. Ее брат:

Не в лесу росла.
Не грибы брала.
А пряла да ткала.
И женихов поджидала.

Зимой свадьба. А летом невесту опевали:

Молодая молодичка,
Подай по яичку.
Яичко не дашь —
Молодого уведем,
Во хлев запрем,
Помелом припрем,
А тебе старика приведем.

Пол поста (3,5 недели). Пекли кресты.

Кресты пророки
Бегали по дороге,
Овес толкли,
Кресты пекли.
Старухи-поварухи,
Подымайте хвосты,
Подавайте кресты.
Тресни — вересни
Великий пост.
Половина говенья переломится,
А другая половина
За овин схоронится.
Третья треснет.
Подайте нам крестик.

Когда жаворонки прилетали:

Жаворонки, жаворонки,
Прилетите к нам,
Принесите нам:
Сапожки на ножках,
На голову колпачок,
Нараспашку сюртучок.
Не клюй песок,
Не тупи носок.
Пригодится носок
На овсяный колосок.

«Детство неплохое у нас было, веселое, трудолюбивое. Мальчишки в колхозе делали всё. Сено возили, снопы, за бороной ходили. Больше на лошадях. Мы с четырнадцати лет со взрослыми косили».

Картошку копать —
Грязная работа.
Косить тяжело,
А жать неохота.

Хорошо тому живется,
Кто записан в бедноту.
Хлеб на печку подается,
Что ленивому коту.

Шла корова из колхоза,
Слезы падали на нос.
Отрубите хвост по корень,
Не пойду больше в колхоз.

В колхоз пошла,
Юбка тюлевая.

Из колхоза босиком
Зафитюливала.

Советская власть завела на крышу
И давай меня трепать,
Как будто я не слышу.

(Крыши раскрывали, чтобы кормить скот).

«Мы лен пололи, теребили, снопы вязали, сено сушили. Маме помогала коров доить. Мама болела в первый год войны. Я десять коров доила. Руки болели. Плакала за маму, что она болела. Я не хотела отдавать маминых коров».

Спасибо Сталину-грузину,
Что обул нас всех в резину.

Украинская лошадка
По дороге не бежит.
Неужели, милый папа,
На Украине будем жить?

«Жила на Украине 50 лет».

Мама дочке:

Что ж боишься, Валенька?
Он тебя не съест,
Золоченый и маленький
Твой крестильный крест. (6)

Бабушка Настя: «Стоит одну беду нажить, потом беда беду родит». «Умерла сестра Фаина. Не прошло сорока дней, сгорел дом. Горело так, что картошка в земле упеклась. Дом построили, война началась. Дедушка в Москву за гвоздями ездил. Там и заболел. Брат, директор фабрики, в больницу положил. Дедушка каждый день письма писал. Бабушка плакала, и мы все плакали».

«Краса приглядится, а разум пригодится».

Мама в Антушеве. «Сон видела. Твой отец еще в Якутии, с ведром на берегу реки. «Девушка, мне можно тут воды набрать?» Пожала плечами: «Бери, сколько».

нужно. Ну, что ты спрашиваешь?» Через полгода увидела его возле гаража с пустым ведром. Знакомая внешность. Все думала, где видела? Завораживала на старый Новый год. Из четырех спичек — колодезь. И под подушку.

Суженое, ряженое,
Приходи коня поить.

Легла спать. Позже дошло, где его видела».

Виктор Иванович Богуславский (Украина):

Красно солнце поутру
Морякам не понутри.
Солнце красное с вечера
Моряку бояться нечего.

До войны военные шутили в деревне:

Пришла курица в аптеку,
Закричала: «Кукареку!»
Дайте пудры и духов
Для приманки петухов!

Песня

С неба полуденного
Жара не подступи.
Конница Буденного
Раскинулась в пути.

Никто пути пройденного
От нас не отберет.
Конница Буденного —
Дивизия вперед. (7)

Это было давно.
Год примерно назад.
Вез я девицу трактором почтовым.
Круглолица была,
Словно тополь, стройна
И покрыта платочком шелковым.
Кто-то выстрелил вдруг
Прямо девице в грудь,
И она как цветок завяла.
Перед смертью она
Лишь успела сказать:
Из тюрьмы на свободу бежала... (8)

Сделай, миленький, трепало,
Чтобы не щипало.
Из осинової доски,
Чтобы не было тоски.

«Трепало — доска шириной с ладонь, но длиннее...»

Я по кладбищу ходила,
В травке заплеталась.
Фаю милую будила,
Слезами обливалась.

Причитала Мария, мамина подруга.
Фая — мамина сестренка, умершая до войны. «Дня не было, чтобы ее не вспомнила», — вздыхала мама.

Я по кладбищу ходила,
Выла тонким голоском.
Рано, рано Фая милая
Засыпалась песком.

Бабушка Настя:
«Непустишь душу в ад, не будешь и богат».

После пожара маму приютила тетушка, Матрена Егоровна, проживавшая в Большом Дору. Кормила на кухне, за обедным столом не сажала. Нагружала работой. «Тяжело было волочить санки, перегруженные бельем для полоскания, зимой на речке». Речка Письма, приток реки Костромы.

Мамочка неродная —
Похлебочка холодная.
Если б родная была,
То щей горячих налила.

Берегите молодость, ребяташки,
Не влюбляйтесь в девок с ранних лет.
Слушайте советы родных матушек,
Берегите свой авторитет.
И в кого такой я уродился,
Трудно мне с характером своим.
Только что я в девушку влюбился,
Смотришь, как она уже с другим.
В переулке пара показалась.
Не поверил я своим глазам,
Шла она, к другому прижималась,
И уста скользили по устам. (9)

Не ругай меня, мамаша,
Что сметану пролила.
Под окошком шел Алешка,
Я без памяти была.

Зина Шарова, мамина подруга:

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелененький,
Ты зачем рано цветешь,
Осыпaeшьcя.
Ты куда, милый дружок,
Собираешься.
Ты со всеми родными
Все прощаешься,
А со мной, молодой,
Все ругаешься...

Тетя Галя, мамина младшая сестра:

Хороша капуста — закуска.
Подать не стыдно.
И съедят — не жаль.

Приходи в гости.
Придешь — дорогой.
А пройдешь мимо,
Не зайдешь —
И цены нет.

Тетя Галя, младшая сестра мамы, в раннем детстве ухаживала за мной, всю невзрослую жизнь называл ее «няня Галя». Работала швеей в Буге. Награждена орденом Трудового Красного Знамени. На пенсии кормила мужа-инвалида и сына-выпивоху. Под закат жизни сорвалась и запила сама. Очень радовалась, когда звонил ей по телефону: «Ой, Валера, ангел мой...»

Песня про монаха

Марианская ночь
Так была хороша.
В небе ясном звезда догорала.
Под сияньем луны
Я монаха всю ночь ожидала.

Нет родных у меня,
Нет друзей у меня,
Муж родной только деньги считает.
Как он любит меня,

Так ревнует меня,
Даже в церковь одну не пускает.

Убегу от его, убегу далеко,
Убегу к молодому монаху,
Обниму я его,
Обниму, что есть сил,
И отдамся ему я без страха.
Марианская ночь
Так была коротка,
В небе ясном звезда догорала.
Под сияньем луны
Я монаха всю ночь обнимала. (10)

(Последние две строчки каждого куплета исполняются дважды.)

Подхожу к родному дому.
Дом не весело стоит.
Соберите мне котомку,
Что на лавочке лежит.

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду в Иордань.
Богу молиться, Христу поклониться.
Я у Бога сирота,
Открывала ворота.
Ключиком, замочком,
Шелковым платочком.

Гармониста любить
Надо чисто ходить.
Надо пудриться, румяниться,
Надо брови подводить.
Гармонист, гармонист,
Не гляди глазами вниз,
Гляди прямо на меня,
Завлекать буду тебя.

Задушевный мой товарищ,
До чего ты похудел.
Все картошка да картошка,
Даже пуп позеленел.

Задушевный мой товарищ,
Ты в тоске, и я в тоске,
Нас с тобою дожидается
Картошка на шестке.

Все картошка да картошка,
Из картошки расстегай,
Подвалит картошка к попке —
Хоть штаны не застегай.

Снегу белого надуло,
По колени вязнешь.
Ты скажи, скажи, Глафира,
Любишь или дразнишь.

Коля, Коля, Николай,
Коля-Николашка,
Ты меня не обмани,
Как Параску Яшка.

Я поеду в город Шуую,
Привезу гармонь большую,
Затяну в четыре тона,
Чтобы слышали все дома.

Заговаривали зубы,
Пришепетывал язык.
Не скажу, в какой деревне
Забеременел мужик.

Колядки

На небе звездочки сияли.
Девки коляду собирали.
«Дайте ячненького,
Но удачненького,
Хоть пшеничного,
Но не кислото».

На небе звездочки сияли.
Девки коляду собирали.
«Дайте, тети, пирога,
Хоть пшеничненького,
Но не кисленького.
Дайте ячненького,
Но удачненького».

Я скучаю не по чаю.
Чаю пить я не хочу.
Сероглазого мальчишку
За измену не прощу.

Бабы судят на мосту,
Что ленивая расту.
Я на баб не погляжу,
Пойду на печке полежу.

Желтопузый воробей,
Не пугайся голубей.
Голуби боятся,
На крышу не садятся.

Слушай, кошка!
Вот картошка,
Вот мука и вот пшено.
Но закрыла кошка рот
И картошку не берет.
Ей не нравится мука,
Хочет кошка молока.

Юбку новую порвали
И подбили правый глаз.
Не ругай меня, мамаша,
Это было первый раз.

Светит солнышко в окошко,
Светит в нашу комнату.
Мы хлопаем в ладошки,
Очень рады солнышку.

Топ, топ, топ,
Хлоп, хлоп, хлоп,
Очень рады солнышку.

В три часа ночи мама сказала: «Смерть моя, что ты не приходишь, мучаешь меня...» Утром отвез маму на «скорой» в больницу. По дороге молчала, теряла сознание. Когда пришла в себя, сказала: «Я люблю тебя...» Это были последние ее слова. 30 января 2012 года, после обеда, мама умерла. В справке о смерти: «Причина смерти — отек легких, головного мозга. Двусторонний гидроторакс. Повторный инфаркт миокарда в передней боковой и задней стенке левого желудочка. Гипертоническая болезнь, сердечно-мозговая форма». Ранее пережила сложную женскую операцию, инсульт и рак щитовидки третьей степени. Ведущий хирург Сергеево-Посадского военного госпиталя полковник А. А. Сумин вместе с В. Сорокиным удачно провели операцию. Сумин гарантировал

три года жизни. Мама прожила без мало-
го еще 17 лет.

Недавно, разбирая записи, я наткнул-
ся на свои же слова: «Там, где мама, там
и родина».

Солдатский фольклор

Нас 300 лет татары гнули
И не могли никак согнуть.
А здесь в два года так согнули,
Что 300 лет не разогнуть.

Здесь нет людей, одни солдаты.
Здесь нет снегов, одни дожди.
Здесь вместо женщин автоматы
И к ним пристегнуты ножи.
Здесь могут вас назвать салагой
И наплевать на вашу честь.

А ты в душе пошлешь всех на ху...
И как всегда, ответишь: «Есть!»

Белые березы, листья шелестят.
Как ты зае...ал нас Сергиев Посад!

Овсяную кашу —
За родину нашу!
Ремень с автоматом —
На грудь!
100 дней до приказа!
И бабу ни разу!
Попробуй такое забудь!

Чем шире харя и живот,
Тем крепче Армия и Флот!

Комментарии

(1) Фольклорная версия стихотворения по-
эта и переводчика Карла Александровича Пе-
терсона (1811–1890). Впервые стихотворение
«Сиротка» было опубликовано в 1843 г. в мар-
товском номере журнала «Звездочка» под на-
званием «Молитва». До революции это стихотворе-
ние постоянно включалось во все хрестоматии
и заучивалось школьниками наизусть. Ниже
приводится оригинальный канонический текст
стихотворения по изданию: Родная Пчелка.
Книга для чтения в подготовительных классах
средних учебных заведений и в низших учили-
щах. Составили Я. Максимов и П. Глушин. Изда-
ние четвертое (стереотипное). СПб.: Книжный
магазин Н. Карбасникова, 1905. С. 15.

Сиротка

Вечер был; сверкали звёзды;
На дворе мороз трещал;
Шёл по улице малютка —
Посинел и весь дрожал.
— Боже! — говорил малютка, —
Я прозяб и есть хочу;
Кто ж согреет и накормит,
Боже добрый, сироту?
Шла дорогой той старушка —
Услыхала сироту;
Приютила и согрела
И поест дала ему;
Положила спать в постельку.
— Как тепло! — промолвил он.
Запер глазки... улыбнулся...
И заснул... спокойный сон!
Бог и птичку в поле кормит,
И кропит росой цветок,
Бесприютного сиротку
Также не оставит Бог!

Если сравнить текст В.И. Артеменко с ка-
ноническим оригиналом, то выявятся следую-
щие различия:

Артеменко: «Мерцали звезды», оригинал:
«Сверкали звезды»;

Артеменко: «Я озяб»; оригинал: «Я прозяб»;
Артеменко: «Кто накормит»; оригинал:
«Кто ж согреет»;

Артеменко: «Кто согреет»; оригинал: «И на-
кормит»;

Артеменко: «Меня, бедну сироту»; ориги-
нал: «Боже добрый, сироту?»;

Артеменко: «Шла дорожкой той старушка»;
оригинал: «Шла дорогой той старушка».

Артеменко: «Пожалела и пригрела»; ориги-
нал «Приютила и согрела»;

Артеменко: «И поест ему дала»; оригинал:
«И поест дала ему»;

Артеменко: «Закрыл глазки»; оригинал:
«Запер глазки»;

Артеменко: «И заснул покойным сном»;
оригинал: «И заснул... спокойный сон»;

Артеменко: «Бесприютную малютку»; ори-
гинал: «Бесприютного сиротку»;

Артеменко: «не оставит также Бог»; ориги-
нал: «также не оставит Бог».

Сравнительный анализ этих двух текстов
показывает, как на протяжении почти ста лет
проходила фольклорная шлифовка исходного
незамысловатого авторского текста, какова
была текстологическая динамика фольклори-
зации авторского текста и чем отличается пе-
реход из литературы в фольклор от перехода
из фольклора в литературу.

(2) Приводимые в тексте В. И. Артеменко тексты частушек можно условно разделить на следующие группы:

1) Лирические частушки (припевки) на разные темы;

2) Плясовые для сопровождения плясок;

3) Страдания на любовные темы;

4) «Семёновна». Называются по имени главной героини, разбитной русской бабы.

(3) Фрагмент стихотворения С. В. Михалкова (1913–2009) «Елка»:

Елку вырублю в лесу, елку в школу принесу!
Всю в сосульках ледяных, в крепких

шишках смоляных,

Со смолою на стволе, со снежинкой на смоле.

Если встречу я в лесу настоящую лису,

Я на елку покажу и в лесу лисе скажу:

— Ты, лиса, меня не трогай, ты беги своей
дорогой,

Не задерживай, прошу: Я Новый год
встречать спешу.

Мне навстречу выйдут волки, скажут:

«Стой-ка, паренек! На опушке вместо ёлки
почему торчит пенек?»

Дятел клювом простучит: «Почему пенек
торчит?»

На деревья снег ложится, все в сугробах,
все в снегу.

И от зверя и от птицы я на лыжах убегу.

Я принес из лесу елку — наглядеться
не могу!

От подставки до макушки — сто
четырнадцать огней,

На ветвях висят хлопушки, и звезда горит
на ней!

Разноцветные флажки, золотые петушки,
А под елкой — Дед-Мороз, ватный снег
его занес.

Приходите к нам, друзья! Эту елку выбрал я.

Вероятнее всего, текст был услышан в годоводных радиопередачах Всесоюзного радио или же от детей-школьников.

(4) Сокращенный (адаптированный) вариант стихотворения Льва Квитко (1890–1952) «Письмо Ворошилову».

Полный текст написанного в 1928 г. стихотворения Льва Квитко в переводе с идиш Самуила Маршака:

Климу Ворошилову
Письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар!
В Красную армию
Нынешний год,
В Красную армию
Брат мой идет.
Товарищ Ворошилов,
Я его люблю,
Товарищ Ворошилов,

Верь ему в бою!

На работе первым

Был он кузнецом,

Будет он примерным

В армии бойцом.

Товарищ Ворошилов,

Поверь, ты будешь рад,

Когда к тебе на службу

Придет мой старший брат!

Слышал я: буржуи

Задумали войну,

Хотят они разграбить

Советскую страну.

Товарищ Ворошилов,

Когда начнется бой,

Пускай назначат брата

В отряд передовой!

Мой брат стреляет метко —

Увидишь это сам,

Когда стрелять прикажешь

На фронте по врагам.

Товарищ Ворошилов,

А если на войне

Погибнет брат мой милый,

Пиши скорее мне.

Товарищ Ворошилов,

Я быстро подрасту

И стану вместо брата

С винтовкой на посту».

В 1938 г. на эти слова была создана ставшая очень популярной песня «Письмо Ворошилову» (музыка П. Акуленко, слова Л. Квитко, перевод С. Маршака). Эта песня часто звучала по Всесоюзному радио:

Климу Ворошилову письмо я написал:
Товарищ Ворошилов, народный комиссар!
В Красную армию в нынешний год,
В Красную армию брат мой идет!
Товарищ Ворошилов, ты, верно, будешь рад,
Когда к тебе на службу придёт мой старший
брат.

Нарком Ворошилов, ему ты доверяй:
/Умрёт он, а не пустит врага в Советский
край! — 2р./

Слышал я, фашисты задумали войну,
Хотят они разграбить Советскую страну.
Товарищ Ворошилов, когда начнётся бой —
Пускай назначат брата в отряд передовой!
Товарищ Ворошилов, а если на войне,
Погибнет брат мой милый — пиши скорее
мне!

Нарком Ворошилов, я быстро подрасту
/И встану вместо брата с винтовкой на
посту! — 2р./
И встанем вместо брата с винтовкой на посту!

(5) Приведенные три строфы из поэмы дагестанского ашуга Сулеймана Стальского (1869–1937) являются контаминацией следующих четырех строф его поэмы «Создатель сча-

стья — Сталин». Впервые поэма была прочитана во время Речи на Всесоюзном совещании передовиков животноводства с руководителями партии и правительства 15 февраля 1936 г.:

Железным ломом горы зла
Тобой разрушены дотла,
Заря над родиной вззошла,
Вселенной зодчий — Сталин.
Ты данный Лениным завет
Хранишь, держа в руках, как свет,
Спасаясь люд от черных бед,
Мир озаряя, — Сталин.
Твой всюду слышен мудрый зов,
Он в бой ведет большевиков,
Взрывая старый мир оков, —
Всегда победный — Сталин.
Ты днем и ночью у руля,
Тебе послушна вся земля.
Прав Сулейман, так говоря:
Создатель счастья — Сталин.
(Перевел с лезгинского Эффенди Капиев)

(6) Это четверостишие из большой (более двухсот стихотворных строк), написанной в 1932 г. поэмы Эдуарда Багрицкого (1895–1934) «Смерть пионерки». В основе одной из версий сюжета лежит реальный факт — смерть 13-летней пионерки Вали Дыко, дочери хозяина дома, где жил поэт.

«Смерть пионерки» — единственное произведение из всего творчества Эдуарда Багрицкого, которое вошло в обязательную школьную программу по русской литературе в СССР. Приведенное автором четверостишие процитировано из начала поэмы.

Двери открываются.
(Спать. Спать. Спать.)
Над тобой склоняется
Плачущая мать:
«Валенька, Валюша!
Тягостно в избе.
Я крестильный крестик
Принесла тебе.
Всё хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас.
Куры не закрыты,
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито.
Не противься ж, Валенька,
Он тебя не съест,
Золоченый, маленький,
Твой крестильный крест.»

(7) Отрывок из марша «Конница Буденного», музыка Александра Давиденко, слова Николая Асеева. Марш, вероятней всего, часто исполнялся по радио:

С неба полуденного
Жара — не подступи.
Конница Буденного
Рассыпалась в степи.
Приве:
Никто пути пройденного
У нас не отберет.
Конница Буденного,
Дивизия — вперед.
Мы не сынки у маменьки
В помещичьем доме.
Мы выросли из пламени
В пороховом дыму.
Пусть белые не встают
Посадкой на скаку.
Изрубим острой шашкою
Их эскадрон в муку.
Не затеваем боя мы,
Но помним Перекоп.
Всегда храним обоймы
Для белых черепов.
И будет белым помниться,
Как травы шелестят,
Когда несется конница
Рабочих и крестьян.

(Красноармейский песенник: Красной армии ко дню ее пятилетия: Сборник: 34 песни для хора / Сост. Л. В. Шульгин. М.; Пг.: Гос. изд-во. Муз. сектор, 1923. С. 64–65).

(8) Сокращенный вариант «жесточкого романа» «Это было давно»:

Это было давно, лет семнадцать назад,
Вез я девушку трактом почтовым;
Круглолица, бела, словно тополь стройна
И покрыта платочком шелковым.
Попросила она, чтоб я песенку спел,
Я запел, и она зарыдала.
Кони быстро неслись, словно звери лихи,
Иль несла их нелегкая сила.
Вдруг жандармский разъезд перерезал нам
путь,
Тройка быстро, как вкопана, стала.
Кто-то выстрелил вдруг прямо девушке
в грудь,
И она, как цветочек, увяла.
Мне не жалко коня, мне не жалко себя,
Только жаль ее жизнь молодую.
Умирая, она говорила слова:
«Я за правду, за волю страдала».
Посмотрите: вдали там березка стоит,
И могила заросла травой.
Под высоким холмом крепко девица спит,
Унесла она песню с собою.

(9) Сокращенный вариант популярной с 20-х гг. прошлого столетия «блатной» песни «Не губите молодость, ребяташки».

(10) В.И. Артеменко приводит фольклорный вариант известного цыганского романса «Ах, зачем эта ночь так была хороша», создан-

ного по мотивам стихотворения Всеволода Крестовского «Андалузянка» (1862):

*Но в одной Севилье старой
Так полны наутро храмы
И так пламенно стремятся
Исповедоваться дамы.*

А. Майков

Андалузская ночь горяча, горяча,
В этом зное и страсть, и бессилье,
Так что даже спадает с крутого плеча
От биения груди мантилья!
И срываю долой с головы я вуаль,
И срываю докучные платья,
И с безумной тоской в благовонную даль,
Вся в огне, стираю объятия...
Обнаженные перси трепещут, горят, —
Чу!... там слышны аккорды гитары!...
В винограднике чьи-то шаги шелестят
И мигает огонь от сигары:
Это он, мой гидальго, мой рыцарь, мой друг!
Это он — его поступь я чую!
Он придет — и под плащ к нему кинусь я вдрут,
И не будет конца поцелую!
Я люблю под лобзанием его трепетать
И, как птичка, в объятиях биться,
И под грудь его падать, и с ним замирать,
И в одном наслаждении слиться.
С ним всю ночь напролет не боюсь никого —
Он один хоть с двенадцатью сладит:
Чуть подметил бы кто иль накрыл бы его —
Прямо в бок ему нож так и всадит!
Поцелуев, объятий его стгоряча
Я не чую от бешеной страсти,
Лишь гляжу, как сверкают в глазах два
луча, —

И безмолвно покорна их власти!
Но до ночи, весь день, я грустна и больна,
И в истоме всё жду и тоскую,
И в том месте, где он был со мной, у окна,
Даже землю украдкой целую...
И до ночи, весь день, я грустна и больна
И по саду брожу неприветно —
Оттого что мне некому этого сна
По душе рассказать беззаветно:
Ни подруг у меня, ни сестры у меня,
Старый муж только деньги считает,
И ревнует меня, и бранит он меня —
Даже в церковь одну не пускает!
Но урвусь я порой, обману как-нибудь
И уйду к францисканцу-монаху,

И, к решетке склонясь, всё, что чувствует
грудь,
С наслаждением раскрою, без страху!
Расскажу я ему, как была эта ночь
Горяча, как луна загоралась,
Как от мужа из спальни прокралась
я прочь,

Как любовнику вся отдавалась.
И мне любо тогда сквозь решетку следить,
Как глаза старика загорятся,
И начнет он молить, чтоб его полюбить,
Полюбить — и грехи все простятся...
Посмеюсь я тайком и, всю душу раскрыв,
От монаха уйду облегченной,
Чтобы с новой ночью и новый порыв
Рвался пылче из груди влюбленной.

(См.: Поэты 1860-х годов. Л.: Советский писатель, 1968. 3-е изд. (Библиотека поэта. Малая серия)).

Стихотворение со временем стало популярным цыганским романсом «Ах, зачем эта ночь так была хороша». Известна фольклорная переработка этого романа под названием «Афонская ночь», которая исполнялась на мотив известной песни времен Гражданской войны в России «Там, вдали за рекой». Мотив этот известен с XIX в., на него пелась каторжанская песня «Лишь только в Сибири займется заря».

Ах, афонская ночь так была хороша!
В небе черном звезда загоралась.
На терновой скамье под чинарой густой
Я монаха всю ночь дожидалась.
Нет родных у меня, нет друзей у меня.
Старый муж только деньги считает.
Он так любит меня, так ревнует меня:
Даже в церковь одну не пускает.
Убегу от него, убегу всё равно,
Убегу к молодому монаху.
Я его обниму, сколько хватит мне сил,
Ведь люблю я монаха без страха.
Ах, афонская ночь так была хороша!
В небе ясном заря загоралась.
На терновой скамье под чинарой густой
Я с монахом всю ночь целовалась.

Вариант текста, приведенного В.И. Артеменко, где выражение «Афонская ночь» заменено выражением «Марианская ночь», является, видимо, единственным.